

Слуга веры, слуга закона

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Александр Фирсов

18+

Александр Фирсов
Слуга веры, слуга закона

«Автор»

2019

Фирсов А. О.

Слуга веры, слуга закона / А. О. Фирсов — «Автор», 2019

Пересекаясь в самых неожиданных моментах, сюжет развивается сразу в двух эпохах — средневековая Европа и современная Россия. Повествование ведется от лица католического инквизитора и подполковника полиции России. Какая связь может скрываться между двумя, казалось бы, совершенно непохожими друг на друга веками и государствами? Содержит нецензурную брань.

© Фирсов А. О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глава 1

Святой отец Игнатий проснулся вот уже четверть часа назад, но по-прежнему лежал в кровати не в состоянии преодолеть сонливость. Стоило ему на силу разлепить веки, как они тут же норовили сомкнуться обратно. «Это все проделки темных сил... пытаются меня остановить, ибо знают, что сегодня за день», – сонно размышлял святой отец. «Вот только они забыли, что имеют дело со мной, а я не ужасаюсь никакой нечистой силы, ибо так завещал мне поступать Господь Бог».

Действительно, отец Игнатий не привык бояться кого-либо вообще, поскольку обычно дела обстояли совсем наоборот. Стоило кому-либо завидеть издалека его долговязую, узловатую фигуру, облаченную в мешковину и неторопливо вышагивающую в сторону его деревни, глаза того человека расширялись от ужаса, а вскоре и вся деревня гудела, словно пчелиный рой. Все потому, что, куда бы ни приходил отец Игнатий, по его пятам неизменно следовала смерть. Посему его и подобных ему боялись сильнее голода и эпидемий. «Я есть инквизитор, посланник святой католической церкви и от меня не скроется никакая ересь, ни один из ее богомерзких распространителей, будь он – богатый или бедный, знатный или простолюдин, мужчина он или же женщина, взрослый или ребенок... ибо меня направляет сам Господь! Я карающая длань Его, ревностный блюститель слова Его, я послан небом, дабы идти по земле, туда, где извращают, искажают святое писание, туда, где царят богоненавистничество и дьяволопоклонство... и, когда я прихожу, священным огнем ярости Его провожу очищение от всякой ереси и всякого зла. Долготерпелив Господь Бог, но суровое воздаяние получает каждый, кто не одумается! Так бывает, когда я прихожу в оскверненное место... и так будет сегодня, ибо я уже здесь», – неизменная вступительная речь, произносимая Игнатием всякий раз, когда он собирался перед народом в любом новом поселении, куда приводила его служба. И каждый раз он видел одно и то же, как будто люди и вовсе не менялись от местности к местности, а новыми были лишь названия деревень и городов. Бледные от страха лица или же, наоборот, – бордовые от жара. Согнутые шеи, робкий взор исподлобья, тихие бормотания. Обычное зрелище. Как правило, такого обращения всегда хватало, чтобы навести ужас на жителей, заставить их подчиняться и сотрудничать. Жены доносили на мужей, сыновья на матерей – привычное дело. Люди были готовы на все, чтобы заслужить доверие церкви и отвести от себя подозрения. Находились, конечно, смельчаки и строптивые... но потом все они, все до одного, каялись, находясь в застенках инквизиции.

Отец Игнатий, собрав волю в кулак, поднялся-таки с кровати и медленно опустил ноги на холодный дощатый пол. Мутным взглядом осмотрел комнату, которую ему выделило местное управление – дрянное место, впрочем, в масть этому захоластью. Затем он опустил голову и уставился на свои голые ступни. Семь пальцев. Трех крайних на левой ноге, не достает с тех пор, как обезумевший от горя крестьянин отрубил их киркой, напав на Игнатия, за то, что тот запытал его жену до смерти. Бедняжка подозревалась в колдовстве, хотя в итоге это было не доказано. Крестьянин, конечно, с лихвой пожалел о том, что сделал – с него живьем содрали кожу, из которой Игнатий позже сделал переплет для судебной книги. Впрочем, изощренное воздаяние пальцы назад не вернуло, и теперь святой отец слегка прихрамывал, что, однако, придавало его походке некую величавую неспешность, свойственную людям уверенным и непоколебимым.

Игнатий тяжело поднялся на ноги, затем прошел в дальний конец комнаты, где умылся из принесённой слугами лохани, а затем туда же справил нужду. Отхлебнув воды из глиняного кувшина, он подошел к небольшому камину, в котором едва тлели угли, и тяжело опустился на колени для того, чтобы совершить утреннюю молитву.

Если бы в эту минуту в комнату вошел посторонний, то он бы лицезрел довольно странную, а то и пугающую картину. Святой отец Игнатий стоял на коленях, полностью закрыв руками лицо. Из-под сомкнутых на губах ладоней доносилось едва различимое бормотание. Время от времени Игнатий дергал головой в стороны, будто уклоняясь от чего-то, а иногда сгибался пополам, словно от острых, кишечных болей, и подолгу замирал в такой позе без движения. Если поднапрячь слух, то можно было разобрать, что именно бормотал святой отец:

– Что? Нет, Боже, нет! Они все заслуживают смерти, все до одного, здесь нет ни одного праведного... паучье гнездо, в котором гады разводят зло и творят бесчинства. Истинно так... только благодаря милости твоей я сдерживаюсь... ты добр, Господь, слишком... ко всем нам, спасибо тебе, Отче. Да, верно, так... она меня беспокоит... она, она разжигать мою плоть... ууууу, – Игнатий вновь согнулся, издавая глухое мычание. – Ведьма... так и есть, пытается обесчестить меня, слугу божьего... и волосы – рыжие! У одной единственной во всей деревне! Какие тут еще нужны доказательства? – Что? Воистину мудрость твоя простирается гораздо дальше пределов человеческих... испытание мне? Хорошо, так тому и быть. Я готов... готов ко всякому, готов послужить тебе... уууу... мерзкая девка снова перед глазами... Господи, прости... укрепи... – далее последовали всхлипы и совсем неразборчивый лепет. Не менее получаса продолжались стенания Игнатия, после чего он неожиданно резко встал на ноги, и лицо его уже ничего, кроме непоколебимой уверенности в себе, более не отражало.

Он быстро оделся, натянув на голое тело рясу из грубой мешковины, которая порой в жаркие дни, заполненные тяжелой работой, натирала плечи до кровавых мозолей. Но именно тогда Игнатий чувствовал себя наиболее комфортно. «Боль очищает от грехов, приближает к богу. Все мы нуждаемся в боли. Поэтому Господь Бог в своей мудрости в таком изобилии распространил ее по всей земле. А я лишь сеятель, смиренный раб божий окропляющий уста заблудших овец Господних горьким лекарством для их же блага», – часто повторял Игнатий, когда его спрашивали, почему человек его положения добровольно носит одежды, которые обычно служат как наказание за мелкие правонарушения для простых граждан или являются частью обета смирения для молодых монахов. Но на деле святому отцу нравилось, когда капли пота бегут по его воспалённой, иссаженной коже на спине, обжигая плоть, после чего в этом месте еще долго щиплет и чешется. Игнатий считал, что так его тело становится сильнее, а дух устойчивее к скверне.

Наскоро отведав хлеба с молоком, Игнатий собрал в суму все, что могло понадобиться сегодня: показания свидетелей, дознания, чистые бланки, печать с гербом Ватикана и, конечно, судебная книга, в которой отражался весь ход этого дела. Затем он подошел к большому платяному шкафу, открыл его и вытащил оттуда огромное распятие, черного кованого железа. Крест был не меньше двух локтей в длину и треть ладони в ширину и на вид был очень тяжелым. Фигура Христа выполнена исключительно точно. Похоже, что мастер работал на совесть. Каждое ребро на худощавой груди, каждая колючка на терновом венке, каждая складка на бедренной повязке отчетливо виднелись на теле спасителя, что говорило о большой и кропотливой работе, проделанной ремесленником. В целом же распятие имело грозный гротескный вид. Игнатий всюду носил его с собой, так что со временем стал узнаваем людьми, которые тут же в боязливо-почтительном жесте опускали глаза к полу, судорожно вспоминая истории о старом инквизиторе с черным крестом наперевес и о его не менее черных деяниях. Ношение тяжелого железного креста в руках действительно выглядело впечатляющим. Слегка сторбленный, как будто под тяжестью ноши, святой отец, издавек весьма напоминал самого Христа, восходящего на Голгофу. Также это распятие зачастую служило как инструмент психологического давления во время сеансов дознания. Игнатий часто тыкал крестом в лица подозреваемых, при этом громко крича, задавая провокационные вопросы, призывая к раскаянию, при этом постоянно упоминая, что «Господь смотрит на тебя – посмотри же и ты на него... и ежели

ты солгал мне, то значит солгал и ему!»! Учитывая размер и вес изделия, несчастный нередко оставался без передних зубов после подобных манипуляций.

Игнатий провел большой, грубой ладонью по фигуре Христа, затем что-то тихо прошептал на латыне, развернул крест и бережно уложил его на сгибе левой руки. Он был готов. Через минуту святой отец уже спустился в зал постоянного двора, волевым жестом пресекая любые угоднические поползновения со стороны хозяина заведения, который, завидев посланника церкви, вскочил из-за стола и почти бегом направился в его сторону, рассыпаясь приветливыми и подобоострастными речами.

– Все ли готово? – спросил Игнатий, не удосуживая даже взглядом растерянного трактирщика. Впрочем, последний быстро пришел в себя и тут же утвердительно закивал головой:

– А как же, всенепременно. Только вас и ждут, ваше высокопреосвященство.

– Хорошо, – произнес Игнатий и хотел было выйти из таверны, но в последний миг остановился. Обернулся и внимательно посмотрел на немолодого уже, лысоватого мужчину в засаленном фартуке с испариной на лбу – хозяина заведения. Он выглядел неряшливо, как и все его заведение. Болезненный, сладковатый запах исходил от его немытого тела.

– Что-то еще? – заискивающе заулыбался тот.

– Веруешь ли ты в Господа, сын мой? – спокойно и даже мягко спросил Игнатий. Тем не менее кабатчик мигом покраснел, а испарина на лбу тут же собралась в капли и тонкими струйками побежала по вискам.

– Конечно, верую, как может быть иначе? Что за вопрос? – выпалил из себя мужичок. Он хотел еще что-то сказать, но Игнатий остановил его жестом.

– Знаешь ли ты, сын мой, как отличить божественное начало от дьявольского? Где начинается свет, а где зарождается тьма? И как отличить одно от другого?

Трактирщик быстро стал водить глазами из стороны в сторону, что-то мычать и неуверенно кивать головой. Видно было, что вопрос поставил его в тупик.

– Бога ради, боюсь, что такие мысли никогда не приходили мне в голову. Я всего лишь трактирщик, господин. Такие тайны мне неведомы, – извиняющимся тоном произнес он, одновременно протирая мокрый лоб краем фартука. – Но я с удовольствием бы послушал ученого человека, вроде вас, чтобы научиться такой премудрости и передать ее после моим детям и внукам, – быстро добавил он более бодрым и уверенным голосом.

Игнатий смерил его пренебрежительным взглядом. При этом бедный трактирщик покраснел еще больше, так что большой мясистый нос его стал похож на баклажан.

– Порядок, сын мой. Порядок – это то, что свойственно только лишь божественному началу. В природе, в людях... и в их жилищах, – при этом святой отец обвел рукой грязное, темное и затхлое помещение комнаты. Бог есть бог порядка, там, где нет порядка – хаос, царство лукавого. Также там, где нет света, воцаряется тьма. Так во всем. Ибо мир и мы сами – это отражение высшего устройства. По одному этому принципу можно вычислить еретика, – при этих словах он наклонился к трактирщику и зашептал ему на ухо, – так я вывел многих неверных на чистую воду. Беспорядок... в речи, в мыслях, в жизни... не приводит ни к чему хорошему. Лень, пьянство, нищета, позор – то, что в лучшем случае стоят на пороге у такого человека. А в худшем... – Игнатий выпрямился, став сразу на голову выше собеседника, – ... в худшем на его пороге буду стоять я.

После чего Игнатий несколько секунд пристально и многозначительно всматривался в остекленевшие от ужаса глаза трактирщика, который, кажется, даже перестал дышать. Оставшись довольным произведенным эффектом, святой отец, ни слова больше не говоря, развернулся и вышел вон. Теперь он точно знал, что, когда вернется обратно, зал будет улыбаться ему чистыми полами, трактирщик пахнуть душистыми травами, а постель будет застелена свежим бельем.

На улице было пасмурно, но тепло. Серые низкие тучи, словно грязное пуховое одеяло, покрывало все небо до самого горизонта, лишь в некоторых местах имелись бреши, через которые на землю падали неуверенные солнечные лучи. Теплый ветерок приятно ласкал огрубелую кожу на лице Игнатия и ворошил редкие седые волосы на голове. Игнатий сощурился от яркого дневного света, постоял минуту, посматривая по сторонам на покосившиеся лачуги, торговые лавки, которые оказались в поле зрения, да еще местных жителей, которые, завидев инквизитора, не глядя в его сторону, еще быстрее засеменяли по своим делам, стараясь, как можно скорее скрыться из виду. С утра прошел дождь, а потому и без того грязные, устланные человеческими и животными отходами улицы превратились в однородное пенящееся месиво, жутко пахнущее и почти непроходимое. Игнатий скривился, вспомнив просторные и чистые дворы и площади Ватикана, по которым он так любил прогуливаться погожими вечерами, наслаждаясь густым запахом цветов, обильно наполнявшим теплый воздух. Воспоминание ярким образом всплыло в его памяти, и он искренне пожалел, что находится сейчас не там, в благословенном богом месте, рядом со своими братьями, а здесь, в этом вонючем, отсталом городишке. Он лишь крепче сжал в руках распятие, напоминая себе, что он здесь по воле Господа. Укорив себя за секундную слабость, Игнатий стряхнул с себя постыдное наитие и уверенно зашагал вперед, туда, где примерно в километре, возвышается над крышами мещанских домов купол городской церкви.

Глава 2

– Скажи мне, брат Игнатий, что ты видишь перед собой? – Понтифик стоял чуть поодаль, на аллее, граничащей с ватиканскими садами, и указывал перед собой на открывающийся прекрасный вид – собор святого Петра, Сикстинскую капеллу и другие архитектурные чудеса, находившиеся в распоряжении Святого престола.

Игнатий, стоявший на почтительном расстоянии позади Папы, направил взор в ту сторону, куда указывал перст последнего.

– Это суть – величие Господа нашего, резиденция духа его, оплот нашей веры и надежда всего мира – Римско-католическая церковь. Вот что я вижу.

– Да... без всяких сомнений, так и есть... но скажи, брат, видишь ли ты там что-то иное... не столь очевидное.

Игнатий сощурился, тщетно пытаясь разглядеть то, о чем говорил Понтифик.

– Вероятно, преподобный, мне Господь не открывает то, что позволено видеть вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.